

Я - ВОП
В ЗАКОНЕ

Евгений СУХОВ

Я - ВОР
В ЗАКОНЕ

ЛОШАДИНАЯ
ДОЗА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.
С91 Лошадиная доза / Евгений Сухов. — Москва :
Эксмо, 2016. — 352 с. — (Я — вор в законе).

ISBN 978-5-699-91852-2

20-е годы прошлого века. В Москве происходит серия жестоких убийств. Следователи МУРа сбились с ног в поисках преступника. Выйти на его след помог случай. Оповзатели заметили, что все жертвы связаны узлами, которыми пользуются лишь извозчики или торговцы лошадьми. На лошадином базаре сыщикам удалось найти человека, видевшего, как маньяк общался с одной из жертв. Оперативники разрабатывают новую версию, еще не предполагая, что появившаяся зацепка выведет их на страшный «семейный подряд», руководит которым бывший служащий НКВД...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91852-2

© Сухов Е., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

Глава 1

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СДЕЛКА

На конном рынке в Замоскворечье народу было немного: не те нынче настали времена, чтобы на лошадиных базарах яблоку негде было упасть. А ведь еще недавно на Конной площади было и пешему не протолкнуться. А сейчас — знай погоняй повозку без брани и скандала! Подъезжали барышники всех мастей, конокрады едва ли не со всех волостей России, крутились цыгане, знающие толк в лошадях; крестьяне подмосковных сел, мещане, решившиеся открыть свое дело, немало было заводчиков и купцов, собирающихся завести собственный выезд, цивильные и военные «их благородия» вплоть до генеральских чинов... А уж лошадок тут всяких выставляли — просто глазоньки разбегались! Упряжные, ломовые, скаковые лошади вороной, гнедой, серой, рыжей мастей. А то и пегие, соловые, булановые, чубарые и — язык сломаешь — изабелловые; ахалтекинской породы, которой, сказывают,

аж пять тысяч лет, ежели не более! Окрас этот немногим темнее топленого молока и достаточно редкий, переливчатый, чисто ангельский, ну просто загляденье! А если еще глаз у лошади голубой или янтарный, так это, как есть, царская порода. И цена ей тоже, надо признать, устанавливалась царская. Но ныне лошадок немного, выбор скуден, а все потому, что животину нужно кормить, а на какие шиши, спрашивается, ежели пуд овса немалые тыщи стоит. Так что его четырехлетняя гнедая Авоська, почитай, лучшая будет на всем базаре! А на такую покупатели всегда отыщутся, невзирая на тяжкие времена...

Василий Иванович Комаров усмехнулся, оглядывая двух соседних тощих лошадок — кости да шкура, — норовящих все прилечь да и околеть прямо тут, у хозяйских ног. Ежели их откормить, то лошадки, возможно, и будут справными пристяжными. Только вот вопрос: где взять фуражное зерно и на какие шиши, ежели самому хавать нечего? Видно, держать лошадей хозяину стало невмочь, вот он и решил их продать и выручить за них хоть какие-нибудь деньги на собственный прокорм. Ага,

он, оказывается, еще и сбрую продает. Или все-таки меняет? Пойти спросить, что ль, пока покупатель не подошел?

— Почем сбрую торгуешь, хозяин?

— За два мешка картошки отдам, — последовал быстрый ответ.

Комаров кивнул, пошел дальше. Цена показалась высокой.

— Ну, хошь, за полтора отдам, — послышалось ему вслед. Но он не обернулся. Не тот торг, чтобы шеей вертеть.

Какое-то время Василий Иванович постоял у древнего ломового мерина, видно, прожившего не только свою жизнь, но и доживавшего чужую, почти со съеденными кривыми зубами, потрепал его ласково по холке. Малость взгрустнул, глядячи на печальное зрелище. Мерин стоял как изваяние, уставившись в одну точку. Все происходящее его ничуть не интересовало.

— Хорошая у тебя кобылка, — не без зависти произнес хозяин мерина, оглядывая лошадь Комарова.

— Да, хорошая, владимирских кровей. И пашпорт на нее имеется, все как полагается, —

охотно согласился Комаров. — Не какая-то там краденая.

— Торгуешь кобылку-то? — поинтересовался хозяин мерина, мужичок лет сорока.

— Торгую, — доброжелательно ответил Комаров.

— Может, махнем? — повел подбородком на мерина мужичок. — Я тебе мерина свою отдам, да в придачу три фунта сахару прибавлю и крупы пшенной с полпудика.

— Ага, — криво усмехнулся Василий Иванович, и его доброжелательство мигом сошло на нет. — На хрена мне твой мерин сдался. Ему небось годков тридцать с гаком будет?

— Пошто это тридцать-то? Да еще с гаком? — обиделся за мерина его хозяин. — Что ты такое говоришь? Ему двенадцать годочков всего-то.

— Расска-азывай, — ехидно протянул Комаров и с усмешкой повторил: — Двенадцать годочков... Я, чай, в лошадях соображаю. Три десятка твоему мерину, не меньше. Его самое время на живодерню наладить, иначе не сегодня завтра по старости лет сам околеет.

— Это ты скорее околеешь, — в обиде огрызнулся мужичок.

Комаров на такой выпад никак не среагировал, только усмехнулся снова и демонстративно сплюнул.

— Торгуешь кобылку? — раздался вдруг за спиной чей-то голос.

Комаров повернулся и молча оглядел незаметно подошедшего мужика. Был он широк в кости и неопределенного возраста. Ему можно было дать лет сорок, уж слишком длинной и густой была его борода, а вот лицо гладкое, без единой морщины, каковое замечается только у молодых людей, и руки сильные, привыкшие к работе. Одет он был в чистую рубаху с суконной поддевкой, малость ношенную, но еще справную, на голове — картуз с лаковым козырьком. И сапоги... Мечта, а не сапоги: смазные, юфтяные и с набором. Таким сапогам сносу не будет до скончания века. Ежели на совзнаки считать, так тыщ восемьсот потянут, никак не меньше, а то и весь мильон.

— Ну, торгую, — неспешно и со значением ответил Комаров, продолжая изучать незнакомца и прикидывая: потянет ли цену?

— И почему? — последовал новый бесхитростный вопрос.

— Это смотря какими деньгами расплачиваться будешь, — осторожно ответил Василий Иванович, сообразив, что наклевывается покупатель, и повел свою кобылу в сторонку, подальше от чужих ушей. За ним двинулся и незнакомец.

— А какими тебе надобно? — спросил мужик. — У меня всякие имеются.

— Вся-акие, — нарочито недовольно проворчал Комаров. И добавил тоном человека, которого за понюшку табаку не проведешь: — Мне всякие-то без надобности. Ты учти, милчеловек, совзнаками прошлого и позапрошлого годов я не возьму, со всем моим почтением, — предупредил он.

— А чем возьмешь? — снисходительно посмотрел незнакомец на Комарова.

По всему было видно, что деньги у мужика в суконной поддевке и картузе водятся, и, видать, немалые. А такие люди нынче на базаре большая редкость. Да и сытая ухоженная комаровская кобылка ему весьма приглянулась.

— Новыми возьму, — твердо ответил Василий Иванович. — Червонцами.

— Ну, червонцами так червонцами, — со-

гласно кивнул мужик в картузе с лаковым козырьком. — Нам в хозяйстве справная лошадь ох как надобна! До войны у нас четыре лошади да мерин работающий были, а на сей день одна-разъединственная кобылка осталась, и ту местный ревком едва не забрал на мобилизацию. Бате едва ли не в последнюю минуту удалось ее огородами в лес увести. Посевную нынче с грехом пополам еще одолели, а тут после разрешения свободы торговли батя с дядькой моим торговлишку бакалейную завели, так с одной лошадкой несподручно стало справляться. Война-то, чай, закончилась, на ноги вставать надобно, жить начинать...

Мужик замолчал.

— Воевал, стало быть? — нарушил молчание Комаров.

— А кто ж ноне не воевал-то? Воевал, конечно. Супротив Деникина на Южном фронте. Командиром взвода даже побывать пришлось. Недолго, правда.

— Да? — оживился Василий Иванович. — Я тоже, брат, на Южном фронте воевал. Сам по доброй воле в Красную Армию в семнадцатом годе записался, поскольку мобилизации

уже не подлежал по возрасту. В то время мне ведь уже полных сорок восемь годов было. Поначалу рядовым служил, а когда грамоте выучился — взводным меня сделали. Уважало меня начальство. — На обросшем щетиной лице Комарова появилась улыбка. — Благодарности имею от самого товарища Сокольников. Он и грамотку мне вручал за отличия в борьбе супротив предателей революции и дезертиров. Я их в расход пускал самолично. На стенке в дому моем на самом видном месте тая грамотка висит. Я и рамку для нее дубовую смастерил. Потом в девятнадцатом годе в плен попал: едва в расход меня беляки не пустили. Спасло то, что чужой фамилией назвался, рядовым Комаровым. А так-то меня родители Василием нарекли. А тебя?

— Семеном, — ответил покупатель.

— Не местный? — как бы невзначай спросил Комаров, глядя поперх его головы.

— Не, не местный, — ответил Семен. — Из поселка Сафарина, семьдесят верст отсель будет.

— А я вот местный, — не без гордости заявил Василий Иванович. — Три года уже как в столице расейской проживаю... Вот, стало

быть, и знакомцами мы сделались. Да еще на одном фронте воевали. Получается — однополчане мы. А не выпить ли нам, Семен, по такому поводу? Я угощаю!

Предложение Василия Семену очень понравилось. Крестьяне на деньгу, известное дело, народ прижимистый, а тут угощение бесплатное само собой вырисовывается, как мимо пройти? Это ж несусветной глупостью будет, коль от выпивки добровольно отказываться. Да и однополчанина уважить не грех. Только вот дело сначала надо сделать...

— А как же кобылка твоя гнедая? Продаешь ее мне аль нет? — задал резонный вопрос Семен.

— Почитай, что уже купил, — твердо посмотрел на него Комаров. — Нешто два красных командира обчего языка меж собой не отыщут? Ведь для меня главное что? — Он поднял полусогнутый указательный палец вверх. — Чтобы в хорошие руки ладушку мою определить.

— Так ты сколь за нее просишь-то? — стал проявлять нетерпение Семен, которому хотелось поскорее уладить дела, отметить покупку,

угоститься, коли приглашают, и отправиться домой со столь выгодным приобретением.

— А сколь дашь, столь и ладно будет, — отмахнулся Василий Иванович. — Я с фронтовиков деньгу не деру, не то что иные прочие. Ну что, пошли?

— Куда? — не понял Семен.

— Да ко мне, — просто ответил Комаров. — Я тут недалеко живу, на улице Шаболовке. Дом у меня собственный. Купил за сущие гроши. Повезло! Люди из НКВД помогли, когда я после фронта в транспортном отделе Центрэвака служил... под началом самого товарища Александра Владимировича Эйдука. — Он посмотрел на Семена, ожидая, что сказанное произведет на него впечатление, но тот только сморгнул: что такое Центрэвак и кто такой товарищ Эйдук, он явно не ведал. Деревенщина, одним словом! — Ну, это Центральное управление по эвакуации беженцев и пленных Наркомата внутренних дел. А товарищ Эйдук Александр Владимирович — видный чекист и председатель Центрэвака... Да ты не тушуйся, — после недолгой паузы произнес Комаров, видя, что последние его слова произвели

на Семена впечатление. — Теперь, после закрытия Центрэвака, я на вольных хлебах. Извозом занимаюсь. И в НКВД более не служу...

— Да я и не тушуюсь, — не очень уверенно проговорил Семен и спросил: — А пошто ты, Василий, кобылу-то свою продаешь, коли говоришь, что извозом занимаешься?

— Так я не столь давно жеребца-трехлетку приобрел, — как-то суетно и быстро ответил Комаров. — А две лошади мне без нужды: пахать-сеять мне-ить не надобно. Так что, идем ко мне-то?

— Ну, идем, — согласился Семен.

Идти и правда было недалеко. Выйдя на Шаболовку и уже подходя к дому, Комаров как-то механически и словно заученно, как какой-нибудь школьный стих, произнес:

— Кобылка моя владимирская, чистых кровей. И паспорт на это имеется, не сумлевайся, все чин по чину. А сделки ноне надобно по закону свершать, дабы власть не раздражать и особливо не беспокоить господ-товарищей милицейских. И чтобы у тебя бумага была на покупку, а у меня, стало быть, на продажу. Иначе поведешь купленную кобылку по городу, а к